

УДК 94[(4-15)+(4-11)]:[39:323.15+325.2+347.173]

ОТ РАСИЗМА К ЛИБЕРАЛЬНОМУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

Проблема сохранения культурных различий и прав национальных меньшинств стала важнейшей в политике Европейских государств и на постсоветском пространстве в XX столетии и сегодня. В статье предпринята попытка экскурса в историю возникновения кардинального отката от расистских установок в области внутренней и внешней политики западных государств в пользу мультикультуралистских тенденций и практик. Что такое либеральный мультикультурализм, какие международные события и решения привели к появлению новой политики по отношению к этнокультурным меньшинствам, какие препятствия возникали на пути мультикультурного европейского проекта и каковы его слабые стороны? – об этом идет речь в данной статье.

Ключевые слова: мультикультурализм, расизм, национальные меньшинства, коренные народы, иммигранты.

Из истории возникновения мультикультуралистской тенденции в западной культуре

Двадцатое столетие принесло человечеству много открытий, перемен и трагедий. Для большинства западных государств и для России оно стало поворотным в политическом смысле. При всём многообразии политических режимов и культурных практик следует выделить одно весьма знаменательное изменение, которое определило основную тенденцию как внутренней, так и внешней политики западных стран, а именно осуждение и упразднение её расистской тенденции и избрание нового курса на мультикультурализм. Как и почему это произошло? Что скрывается за термином «либеральный мультикультурализм» и каковы его истоки?

Либеральный мультикультурализм – это тенденция, наметившаяся в политике западных стран в 80-е гг. прошлого века. Она подразумевает, что государство не только гарантирует и поддерживает обязательный набор прав и свобод человека и гражданина, стоит на страже этих прав, но и учитывает особые интересы и права меньшинств с целью примирить устремления различных этнических групп путём использования особых политических инструментов.

Признаками того, что государство взяло курс на либеральный мультикультурализм, являются следующие установки: государство принадлежит не одной доминирующей национальности, а равно всем гражданам; в процессе национального строительства оно отказывается от курса на принудительную ассимиляцию или изоляцию какого-либо

меньшинства; оно также признаёт, что в определённые периоды истории было несправедливым и ущемляло интересы этнических меньшинств, но при этом сегодня готово исправить ситуацию в интересах этих меньшинств. Существует три вида меньшинств, по отношению к которым осуществляется мультикультуралистский подход: коренные народы, национальные меньшинства и иммигранты. Не в каждой стране присутствуют все три категории, но две – как правило. Понятно, что по отношению к каждой из них мультикультурализм принимает свои формы в зависимости от культурно-политических приоритетов государства. Попробуем понять, как вообще выглядела проблема меньшинств в рамках старой модели гомогенной нации-государства, которая была традиционной до окончания Второй мировой войны и сохраняла черты расистской иерархической системы?

Важнейшими событиями первых десятилетий XX в. стали крушения многонациональных империй: Габсбургской и Османской. Россия тоже пережила политические потрясения. На месте этих империй после пересмотра границ образовались новые европейские государства, и в силу этого многие люди оказались оторванными от своей культуры. Например, часть немцев оказалась на территории Польши, многие поляки – в Германии, некоторые венгерские семьи – на территории Румынии. Чтобы гарантировать безопасность этим национальным меньшинствам, было решено заключить двусторонние договоры между соседними странами. Германия согласилась предоставить определённые права и привилегии полякам, а Польша – немцам. Далее «эта система защиты меньшинств была расширена, и ей был придан более широкий правовой международный базис под эгидой Лиги Наций» [5, с. 28]. Таким образом, в начале XX в. «проблема меньшинств» в Европе выглядела как вопрос их воссоединения. В начале Второй мировой войны нацистская Германия вторглась в Польшу под предлогом нарушения Польшей прав этнических немцев на её территории. Чтобы в дальнейшем предотвратить все попытки развязывания войн путём разыгрывания «этнической карты», европейские политики после войны решили рассматривать проблему меньшинств в русле борьбы за права человека. Таким образом, ни этническая, ни расовая принадлежность не были основанием для создания законов, которые обеспечивали бы какие-то особые права меньшинств как специфических сообществ. Универсалистская установка рассматривалась как единственно верная, снимающая вообще эту проблему. Ещё раз повторю, что она сложилась только после Второй мировой войны, а это значит, что в процессе её произошли какие-то серьёзные сдвиги в политике, которые заставили западные государства в корне пересмотреть прежние расистские установки в международной политике. Обратимся к ним.

Страны коалиции ещё в 1941 г. запланировали послевоенное переустройство мира на случай их победы в войне, что было отражено в Ат-

лантической Хартии. В проекте этого документа (в августе 1941 г.) были изложены принципы переустройства, но нигде не было положения о том, что борьба с расизмом станет установкой в послевоенной политике западных государств. Черчилль считал справедливым, что по окончании войны следует восстановить границы европейских государств, захваченных Германией и превращённых в колонии. Что касается принципа самоопределения для неевропейских народов, то об этом и речи быть не могло: колонии, как и прежде, до войны, должны были оставаться собственностью европейских стран. Сама Великобритания не собиралась от них отказываться или даровать им независимость. В Атлантической Хартии сказано: «права на независимость и самоуправление будут восстановлены для тех, кто был лишен их насильственно» [3, р. 30]. Таким образом, только государства, которые на начало войны были суверенными на основе юрисдикции международного права, получали возможность восстановить свои границы. Колонии такого суверенитета не имели и претендовать на него не могли. Расовая иерархия, таким образом, сохранялась, и никто не собирался изменять привычный порядок в мире.

Необходимость пересмотра расистской установки стала диктовать геополитика и действия нацистской Германии на территории Европы и СССР. Со временем все более отчетливыми становились некоторые «нюансы» теории и практики нацизма. Союзники получали информацию о беспрецедентной жестокости фашистов по отношению к европейцам, чьи страны были захвачены. Здесь и насильственная высылка граждан белого цивилизованного мира на принудительные работы в Африку, где многих ожидал не только непосильный труд, но и смерть от голода, и Холокост, и газовые камеры. После заявления Гитлера о том, что «Россия – это наша Африка, а русские – наши негры» [6, р. 136], США и Великобритания были неприятно поражены и озадачены. Они понимали, что нацистская Германия практикует какой-то новый «неправильный» расизм, потому что фашисты обращались с европейцами так, словно они были ничем не лучше жителей колоний. Одно дело вырезать индейцев или бушменов, и совсем другое истреблять белых граждан Европы. В итоге текст Хартии было решено несколько изменить, с целью отразить мысль, что европейцы все же занимают более высокое положение, чем все остальные народы. И вновь Черчилль и его союзники были ещё очень далёки от идеи борьбы с расизмом, но только до тех самых пор, пока не грянули события в Сингапуре, который был колонией Великобритании. Вместо того чтобы дать отпор Японии многонациональное население Сингапура (китайцы, индийцы, малайцы) отказалось проливать кровь за британскую корону, потому что японцы пообещали им обширные права на самоуправление, чего англичане и не помышляли им предложить. Лучше глоток свободы, чем полная зависимость. Отпадение Сингапура к Японии в феврале 1942 г., а затем Бирмы и Малайзии стало поводом к пересмотру послевоенных планов

мироустройства. Нужно было что-то сделать, чтобы не потерять все колонии. Америка посоветовала Великобритании что-нибудь пообещать жителям колоний касательно их послевоенных перспектив, чтобы мобилизовать их на борьбу с Японией на востоке и против Германии и Италии в Африке. Было решено, что Англия за оказанную поддержку вернёт Гонконг Китаю и дарует независимость Индии; Франция обещала уйти из Вьетнама.

После событий в Юго-Восточной Азии политика по отношению к этническим меньшинствам изменилась, а борьба против расизма стала важнейшей мотивацией в борьбе с фашизмом. После окончания войны необходимо было сдержать обещания, данные прежде колониям, и был взят курс на борьбу за права человека. В 1946 г. была создана Комиссия по правам человека ООН, а в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека была подписана 58 странами и переведена на 200 языков мира. Как отдельная проблема тема прав меньшинств не звучала ни в этом документе, ни в региональных хартиях о правах человека (Американская декларация прав и обязанностей человека 1948 г.; Европейская конвенция прав человека и основных свобод, подписанная в 1950 и вступившая в силу в 1953 г.). Расовая дискриминация стала объектом борьбы, что выразилось в появлении Конвенции о дискриминации в области найма и труда (1958) и Конвенции о предотвращении дискриминации в области образования (1960). В 1969 г. появилась и Американская конвенция о правах человека, а в 1981 г. Африканская хартия о правах человека и народов.

Совершенно очевидно, что произошла подмена прав меньшинств правами человека. Налицо попытка решить её с помощью универсального средства через реализацию прав индивидов, «не защищая их институтов и, таким образом, лишая их силы как коллективного действующего лица» [5, р. 30]. С одной стороны, государства ослабляли меньшинства, осуществляя над ними контроль, чтобы обезопасить себя от возможных выступлений против власти. Поскольку такой государственный подход не гарантировал сообществам поддержки их культуры, то им было очень трудно противостоять ассимиляции. И все-таки принятие данных законов было несомненным прорывом и революционным шагом к упразднению расовых иерархий на политическом уровне. Подписывая Всеобщую декларацию прав человека, западные государства (Франция, Испания, Португалия) никак не предполагали, что сделав это, им в будущем придётся расстаться с собственными колониями. Однако заявленное на бумаге равенство обернулось реальным изменением политической карты мира: с 1948 г. начался процесс деколонизации, который завершился, по сути, в 1966 г. С точки зрения международных юристов, в Декларации не просматривалось никакой связи между правами человека и деколонизацией, но спустя годы она была установлена. В процессе борьбы за независимость колоний ООН обнародовала важнейшие документы – Декларацию о предоставлении независимости ко-

лониальным странам и народам (1960 г.) и Международную конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.).

Борьба за свободу и равноправие, охватившая страны Азии и Африки, вдохновила на борьбу негритянское и цветное население Юга США, где расизм был встроено в систему государственных и общественных институтов. Движение против расовой дискриминации и сегрегации, возглавленное священником М.Л. Кингом, началось в 1955 г. и вылилось в масштабное движение по всей стране, находя поддержку и понимание в странах «третьего мира» и в СССР. Кинг говорил: «Американский негр увидел в странах, в которых его предки были схвачены и превращены в рабов, расцвет политического процесса. Он знал, что ещё тридцать лет назад во всей Африке было всего лишь три независимых государства. Он знал также, что к 1963 г. в Африке появились ещё тридцать четыре независимых государства, народы которых освободились от колониальных цепей. Он видел, что негры- государственные деятели голосуют по жизненно важным вопросам в Организации Объединённых Наций, тогда как во многих городах его страны негров не допускают к избирательным урнам. Он видел черных королей и князей, управляющих своими странами из роскошных дворцов, тогда как он был обречен жить в гетто» [2, с. 85].

Прежде чем мы остановимся на проблеме борьбы с расовой дискриминацией в США, хотелось бы несколько слов сказать о роли СССР в привлечении пристального внимания к этому вопросу широкой общественности. После Второй мировой войны началась жесткая идеологическая борьба за влияние в мире между Западом и СССР. США заявили о себе как демократической стране и могущественной сверхдержаве, но Советский Союз, поставляя информацию освобожденным от колониализма странам о расовой проблеме в США, добился того, что посольства этой страны стали получать нелицеприятную почту и критические замечания. Один из послов, например, Честер Боулер сообщал следующее: «болезненная чувствительность всех азиатских народов по поводу расовой дискриминации и фантастический успех, который имеет коммунистическая пропаганда в создании антиамериканского настроения... – от этого невозможно отстраниться» [7, р. 162]. Ведущие политики США, такие как Джон Фостер Даллес и Дин Раск, говорили: «Джим Кроу разрушает нашу внешнюю политику. Тот эффект, который он производит в Азии и Африке будет ещё хуже для нас, чем Венгрия для русских» [7, р. 131]. Чтобы изменить отношение к себе США даже запустили ряд программ обмена, позволявших лидерам из третьих стран обучаться в Америке и видеть демократию воочию. Однако эффект был обратный, потому что как только представители небелого населения бывших колоний появлялись в США, они сразу же ощущали расизм в действии. Не заметить его было просто невозможно, ведь «расизм не был каким-то отклонением, а сердцевиной самой структуры общества»

[4, p. 207]. Самим американским гражданам система сегрегации была часто просто неудобна. Например, отели, обслуживающие только белых, категорически отказывались сдавать номера путешествующим вместе белым и неграм, как это было в Иллинойсе и других местах во время поездки кандидата в президенты Генри Уоллеса с негритянским певцом Полем Робсоном в 1948 г. Что касается неамериканских граждан, то при посещении ими общественных мест возникали скандальные ситуации: «Так, в Декейтере, штат Иллинойс, не были допущены в ресторан во время их поездки с официальной миссией от правительства Индии личный врач покойного Мохандаса Ганди, бывший мэром Калькутты д-р Бидха Чандра Рой и пять его соотечественников. Хозяйка ресторана объясняла впоследствии, что ей показалось, будто эти люди – американские негры» [1, с. 190]. Во избежание таких казусов иностранцы с небелым цветом кожи предпочитали носить в США свой национальный костюм, который сигнализировал об их неамериканском происхождении. США пытались продемонстрировать свою готовность стать местом размещения штаб-квартир некоторых структур ООН на своей территории. Было предложено разместить в Балтиморе Организацию по Питанию и Сельскому Хозяйству (FAO), но ООН не пошла на этот шаг, поскольку в штате Мэрилэнд расовая сегрегация стала для этого существенным препятствием. Жизнь чернокожих и цветных строго ограничивалась, а дискриминация была узаконена по всем направлениям. Она касалась правил выбора места жительства, учебных заведений, работы, посещения ресторанов, театров, размещения в гостиницах, заключения браков, выбора транспорта, голосования и даже посещения церквей. Очень важно было усвоить и расистский этикет, чтобы не попасть в тюрьму.

Самое удивительное, что раса определялась «на глаз», а федеральные законы США и законы 29 штатов по-разному определяли расовую принадлежность человека. Вот почему тот, кто считался в одном штате белым, в другом мог быть отнесен к цветным и подвергнуться соответствующей сегрегации. Официальным экспертом по установлению расовой принадлежности было Бюро переписи США, которое периодически выпускало Руководства и инструктировало работников по столь тонкому вопросу. Самое интересное, что переписчик никого не спрашивал о расовой принадлежности, а делал заключение на основе наблюдения. Например, в штате Арканзас «лица, у которых имеется различимая и явная примесь африканской крови, должны быть отнесены к африканской расе; все остальные могут быть отнесены к белой расе» [1, с. 69]. В штатах Делавэр и Колорадо к цветным относили негров и мулатов; в Айдахо – негров, мулатов и монголов, а в Индиане – любое лицо, имеющее одну восьмую или более негритянской крови. Самой жесткой была шкала определения рас в Луизиане. Здесь была разработана даже особая расистская терминология, а цветными считались следующие лица:

«Негр – $\frac{3}{4}$ или более негритянской крови;
гриф – $\frac{1}{2}$ негритянской и $\frac{1}{2}$ крови мулата;
мулат – $\frac{1}{2}$ негритянской и $\frac{1}{2}$ крови белого;
квартерон – $\frac{1}{4}$ негритянской и $\frac{3}{4}$ крови белого;
окторон – $\frac{1}{8}$ негритянской и $\frac{7}{8}$ крови белого» [1, с. 69].

Можно представить себе возмущение иностранцев, которых пытались втиснуть в прокрустово ложе американских свобод. США очень быстро осознали, что нужно как-то менять ситуацию, потому что по всему получалось, что именно Советский Союз, а не США, оказывался самым большим другом для угнетённых и освободившихся народов. Изменить ситуацию «помогло» движение Мартина Лютера, которому сочувствовало и белое население северных штатов, где положение негритянского населения не было таким ужасающим, как на Юге. Нельзя сказать, что в США отсутствовала законодательная база для борьбы с расизмом. Законы были написаны, но они не работали. Ещё в 1866 г. 13 марта был принят «Закон о гражданских правах», который гарантировал полноту гражданских прав всем лицам, родившимся в США независимо от расовой принадлежности и цвета кожи или предыдущего пребывания в рабстве либо иной подневольной зависимости. Пятнадцатая поправка к Конституции США от 1870 г. оговаривает, что участие в выборах не будет ограничиваться или запрещаться властями всех уровней под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния. В 1917 г. вышло постановление против расовой сегрегации в жилищном вопросе. В 1935 г. Верховный Суд издал постановление, согласно которому негры должны были приниматься в университеты для белых в тех штатах, где колледжи для негров не предоставляли такие же возможности, что и «белые» университеты. В 1946 г. Верховный Суд отменил расовую сегрегацию на транспорте, но в реальности она сохранялась. В 1948 г. президент Г. Трумэн подписал два указа – об отмене расовой сегрегации и дискриминации в армии и об отмене ограничительных договоров, не позволявших цветным и евреям свободно селиться, т. е. снимать или покупать жильё там, где живут белые. Совершенно очевидно, что «законодательные акты, как и решения суда, провозглашают права, но это ещё не значит, что тем самым эти права автоматически обеспечиваются. В конечном счёте, от действий исполнительной власти зависит авторитет и действенность закона» [2, с. 93]. М.Л. Кинг далее говорил: «Закон о гражданских правах, принятый в 1866 г. до сих пор ещё не проведен в жизнь на Юге» [там же, с. 93]. Лютер решил заставить исполнительную власть южных штатов исполнять законы. Он почувствовал, что «современный мир вступил в новую эру, характеризующуюся многосторонней борьбой за права человека. Движение негров за свободу является американским проявлением этого всемирного брожения» [там же, с. 90].

Таким образом, кризис мировой колониальной системы и борьба против расовой дискриминации в США стали теми реальными политическими событиями, в ответ на которые постепенно происходил поворот политики в русло либерального мультикультурализма. Лютер был прав, говоря о многосторонности этой борьбы, потому что именно с 50-х гг. XX в. можно говорить о появлении трёх категорий меньшинств, по отношению к которым постепенно стали осуществляться политики либерального мультикультурализма. Прежде всего, это коренные народы, такие как инуиты (Inuit) в Канаде, аборигены в Австралии, индейцы в США, маори в Новой Зеландии и другие. По отношению к ним применяются политики, которые опираются на принятые в странах их проживания юридические документы, которые имеют общую направленность в плане признания права этих народов на землю, на самоуправление, на соблюдение обычаев, культурных прав (верования, языки, охота, рыбалка и пр.). Особый статус коренных народов прописывается, как правило, либо в Конституции, либо в ином официальном документе, где, в частности, гарантируется представительство интересов данного меньшинства в центральном правительстве. Наиболее строго эта политика осуществляется в Канаде, Дании, Новой Зеландии и США. Пионером в этом смысле была Канада, а в США только 26 февраля 1997 г. Межамериканской комиссией по правам человека была одобрена Американская декларация прав коренных народов, где представлен весь спектр прав, которое государство им гарантирует. К категории стран «умеренного мультикультурализма» по этому вопросу можно отнести Финляндию, Норвегию и Австрию. Япония и Швеция менее всего склонны заниматься проблемой коренных народов. Следует отметить, что есть целый ряд стран, где этой проблемы вообще нет в силу отсутствия туземцев, но зато есть иная проблема – национальных меньшинств, которые рассматривают себя как нацию, пребывающую в границах более широкого образования – государства. Национальные меньшинства – это сообщества, которые проживают на его территории в течение продолжительного исторического периода, но сохраняют свой язык, обычаи и не собираются ассимилироваться в угоду доминирующей культуре. Они отстаивают свои политические и культурные интересы через националистические партии и пытаются либо добиться государственной автономии, либо признания своей независимости в форме независимого государства. В любом случае им присущи сепаратистские настроения. Государство всеми силами стремится сохранить государственную целостность и избежать раздробления. Оно пытается погасить по возможности внутренние противоречия, делая некоторые уступки требованиям национальных меньшинств, позволяя создать федеральный союз, где определенное национальное меньшинство становится локальным большинством и может осуществлять самоуправление в установленных рамках. Соответственно, его национальный язык обычно признаётся офи-

циальным государственным языком внутри данного федерального союза и даже на уровне страны. Так поступили Швейцария, Канада, Бельгия, Испания и Финляндия. Франция с проблемой Корсики отказывается идти на этот шаг, как, впрочем, и Греция, где только македонцы живут на традиционной родине.

Изменение политики по отношению к меньшинствам в странах западной демократии объясняется тем, что они стали играть заметную роль в большой политике. На самом деле демократия – это система прав большинства, но если оно инертно и всем довольно, а меньшинства хорошо организованы и осознают свои цели и задачи, то их активность может серьёзно изменить политику, что, собственно, и происходит в реальной жизни и на уровне международного права. Организация за Безопасность и Сотрудничество в Европе (OSCE – Organization for Security and Cooperation in Europe) – первое в Европе учреждение, которое подготовило и опубликовало ряд важнейших документов: Декларация по правам меньшинств» (1990-1991); «Рекомендации относительно образовательных прав национальных меньшинств (1996, Гаага); «Рекомендации относительно лингвистических прав национальных меньшинств» (1998, Осло); «Рекомендации по эффективному участию национальных меньшинств в общественной жизни» (1999, Лунд). Далее инициативы OSCE были одобрены Советом Европы, который занимается главным образом защитой гражданских прав, и затем Евросоюзом, чья основная задача – экономическая интеграция. ЮНЕСКО подхватила эти идеи и использовала их для защиты культурных различий, что было важно на фоне все более возрастающего влияния на весь мир западной цивилизации, пытаясь помочь странам, освободившимся от колониального гнёта в построении собственных систем образования и СМИ. Таким образом, постепенно проблема прав человека была прочно увязана с вопросами экономического развития, безопасности и сохранения культурного наследия, однако гражданские права остаются ядром этой системы.

На уровне международных документов всё выглядит довольно убедительно и логично, но на уровне отдельных государств не все так хорошо, как хотелось бы. Заметьте, что в основном мы имеем дело с Декларациями; они не всегда срабатывают, поскольку нет юридически внятной конвенции на уровне ООН по правам меньшинств. Попытки встроить европейские нормы прав меньшинств в Европейскую конвенцию по правам человека постоянно отклоняются в силу того, что по данному вопросу нет единодушия: в каждой европейской стране существует своя ситуация и свой спектр неразрешимых пока противоречий. Например, Франция занимает самую жесткую позицию по этому вопросу. Здесь нет места для прав меньшинств вообще, потому что Франция – централизованное государство с чёткой концепцией республиканского гражданства и единым для всех официальным языком. Многие западные страны критикуют её за то, что она не учитывает «постмодерной

ситуации», но Франции не до постмодернизма в политике, и она не собирается следовать модным политическим трендам, чтобы выглядеть «прилично». мода меняется, а национальные интересы остаются. Так, когда Румыния после распада Габсбургской империи боролась за признание себя самостоятельным государством, она делала акцент на своей гомогенности как нации. После распада блока стран социалистического лагеря она попыталась примкнуть к Европе, повторив этот акцент, но попала в довольно неловкое положение, не заметив, что наступили иные времена, когда не гомогенность государства, а соблюдение прав меньшинств стало «пропуском» в постмодерную Европу и критерием демократизации общества.

Сегодня меньшинства выступают с требованием реализовать на деле то, о чем заявлено в международных конвенциях, соглашениях и декларациях, под которыми подписывались главы государств. ЮНЕСКО прямо заявляет, что права меньшинств следует рассматривать, как неотделимый компонент человеческих прав, а OSCE считает права меньшинств предусловием демократии как таковой. Представляется очень сомнительным, чтобы эту идею разделили все западные страны. Когда происходил распад СССР, они очень надеялись, что бывшие союзные республики и страны социалистического лагеря начнут строить собственные либеральные демократии, а межэтнические противоречия снимутся сами собой. Время показало, что все совсем не так. Начались конфликты на Кавказе, в Средней Азии, в странах Балтии, где вопросы этнической и национальной принадлежности, происхождения, языка были увязаны с вопросами гражданства, собственности и власти. Затем возникли конфликты на Балканах, произошел развал Сомали и Судана, геноцид в Руанде и многое другое. В результате вместо угрозы коммунизма появилась новая угроза – межэтнических конфликтов, а затем и терроризма. Как предотвращать их – сложнейшая проблема. Понятно только одно: возникновение этих угроз обусловлено изменением мирового порядка, который часто описывают через симптомы глобализации, одной из существенных черт которой является относительная прозрачность границ и усиление миграционных потоков. Очень часто угроза терроризма связывается с деятельностью приезжих, т. е. иммигрантов, которые в силу обстоятельств оказались в данной европейской стране. Следует сказать, что Европа всегда принимала иммигрантов, но если на рубеже XIX и XX вв. выходцы из Азии и Африки составляли не столь большой процент, то со второй половины XX в., особенно с 70-х гг. их численность возросла в разы. Итак, третья категория меньшинств, по отношению к которой применяются политики мультикультурализма – иммигранты. Если ещё до Второй мировой войны западные государства могли просто подавить этнические выступления, назвав их «незаконными», «неконституционными» или «радикальными», то сегодня требуется диалог. Однако по отношению к ним западные государства не спе-

шат четко формулировать и фиксировать их права на международном законодательном уровне. Главную роль здесь играют соображения политической и культурной безопасности. Там, где иммигрантские сообщества достаточно значительны, хорошо организованы, местное население выступает против мультикультурализма, говоря, что он зашёл слишком далеко. Особенно это ощущается по отношению к выходцам из мусульманских стран, численность которых составляет до 80 % во Франции, Испании, Италии, Германии, Нидерландах по сравнению с 10 % их в Канаде и США.

Интернационализация мультикультурных политик

Мультикультурные политики нацелены не только на урегулирование внутренних социальных проблем; они стали инструментом международных отношений как в позитивном, так и в негативном смысле, потому что каждое явление имеет, как правило, две стороны. Можно с уверенностью сказать, что, начиная с коллапса СССР, постепенно происходила интернационализация либеральных мультикультурных политик в том смысле, что накопленный европейскими государствами опыт урегулирования межэтнических конфликтов и построения мультикультурного, демократического общества, стал преподноситься как общечеловеческий и предлагаться странам бывшего советского лагеря и развивающимся странам. До 90-х гг. проблема прав меньшинств была всё-таки больше внутренним делом страны и Евросоюз не был ею столь сильно озабочен, помогая часто тем режимам, которые, как правило, не были особенно щепетильными по отношению к собственным меньшинствам (например, Индонезии продавалось оружие, которое шло для подавления выступлений в Восточном Тиморе).

Интернационализация мультикультурализма произошла не только потому, что, как утверждает У. Кимлинка (Will Kymlicka), Западная Европа стремилась прекратить этнические чистки и страдания людей и предвидела приток беженцев после развала СССР и межэтнических конфликтов. Ещё более сомнительным выглядит его предположение, что «умение управлять этническим разнообразием является проверкой политической зрелости и готовности присоединиться к Европе» для стран бывшего советского лагеря и «мерилом их нравственного прогресса» [5, p. 173]. Полагаю, что нравственность здесь не причём, потому что у Запада есть свои политические интересы и очень важно, как они «упакованы» и преподнесены международной общественности; в данном случае «этническая карта» стала актуальной в западной политике и позволяла реализовывать принцип «разделяй и властвуй» в гуманистическом ключе. Процессы глобализации этому весьма способствовали. Сложные отношения и военные конфликты между теми или иными этническими или религиозными группами в рамках одной страны становились поводом для интервенции со стороны западных государств,

которые именно таким образом отстаивали на чужой территории идею современной либеральной и космополитической Европы в противовес «племенному национализму» местных граждан. Поскольку проблема защиты прав меньшинств обрела звучание на уровне международного права, то Европа стала «помогать» решать её государствам, отпавшим от социалистического блока, руководствуясь следующими стратегиями: стала распространяться информация о самых лучших мультикультурных практиках; велась разработка их основных стандартов; практиковалось наведение порядка путём применения оружия в случае необходимости. Следует отметить, что интервенция завершилась предложением «экономической помощи» пострадавшему государству (так было после бомбёжки Белграда, например), что позволяло не только проникать западному капиталу в данную страну, что весьма выгодно членам НАТО, но и влиять на построение местных политических институтов власти, делая их работу прозрачной для Запада и отчасти регулируемой.

Все три стратегии работают, но не всегда успешно. Если говорить о первой стратегии знакомства с лучшими мультикультурными практиками, то они подразумевали целый комплекс полезной информации, касавшейся опыта реформирования на Западе образования, здравоохранения, политических институтов, финансовой сферы и даже рецептов решения экологических проблем. На тренинги, семинары и конференции по этим вопросам выделялись колоссальные средства, так что те политические и общественные деятели, которые на них приглашались, с удовольствием отправлялись в европейские командировки за новым опытом. Западная сторона пыталась познакомить их с опытом мирного разрешения проблемы меньшинств, который соответствовал международным нормам прав человека и демократическим принципам общественного устройства. Тогда, в начале 1990-х гг., пристальное внимание уделялось коренным народам и национальным меньшинствам. На Западе уже был опыт предоставления им территориальной автономии; во имя предотвращения конфликтов государство делилось властью, давая возможность меньшинствам ощущать себя хозяевами положения на уровне автономии, сохранять свой язык и обычаи. Эта модель считается успешной и ей следовали Бельгия, Канада и многие другие страны, поэтому данная стратегия была позитивно оценена и рекомендована к применению на практике в 1990 г. Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (OSCE) в Статье 35 её Копенгагенской декларации.

Несмотря на то, что общественные деятели и политики из стран бывшего социалистического лагеря посещали тренинги и семинары, обсуждать всерьёз и тем более осуществлять политику мультинационального федерализма они не собирались. Во-первых, все были увлечены дележом власти и ресурсов; во-вторых, этому мешало взаимное недоверие стран-соседей. Новые элиты только складывались, и никто толком не знал, куда двигаться, как развиваться и с кем или против кого дру-

жить. Вопрос о предоставлении автономии и реализации принципа федерализма на постсоветском пространстве встал в полный рост только тогда, когда многое уже было упущено, и возникла реальная угроза утраты территориальной целостности: Грузия утратила контроль над рвущейся к самостоятельности Южной Осетией, Молдова – над превратившимся в оружейный склад Приднестровьем, Азербайджан – над Нагорным Карабахом. Нечто подобное происходило и в странах бывшего социалистического лагеря, которые тоже оказались втянутыми в межэтнические конфликты в процессе политических преобразований. Например, Босния решила этот вопрос, прибегнув к созданию кантонов в районах компактного проживания сербов и хорватов, чтобы избежать развала государства. Сербия была вынуждена предоставить автономию Косово под давлением западных миротворцев, где контроль осуществляется албанцами под прикрытием западного протектората. Кипр тоже прибег к принципу федерализма в надежде со временем вернуть себе север, находящийся под контролем турецкой стороны.

Таким образом, передел власти происходил в 90-х гг. на фоне расцвета «этнических национализмов». Главный вопрос состоял в том, какая этническая группа будет доминирующей и окажется у руля власти. Угнетаемое меньшинство получало возможность на своей территории стать решающим большинством и делать реальную политику для себя, потому что равных партнёров по власти нет, даже если речь идёт о так называемом западном гражданском национализме с мультиэтническим креном. Всегда именно доминирующая культура решает, давать ли зелёный свет каким бы то ни было проектам, или свернуть их, услышать требования меньшинств, или на время притвориться глухими. Именно доминирующая группа вырабатывает свой стиль общения с этническими группами – мирный или силовой. Для того чтобы диалог состоялся, необходимо, чтобы меньшинства были хорошо организованы, могли внятно сформулировать требования, касающиеся расширения их прав. Доминирующая группа должна быть готовой не только услышать эти требования, но и обсуждать их публично, а также реализовывать на практике. Ничего этого на постсоветском пространстве не наблюдалось. Более того, у меньшинств не было никакой уверенности в том, что после высказывания своей позиции их не посадят в тюрьму и не искалечат на митинге, потому что о соблюдении прав человека не могло быть и речи – государство не могло быть гарантом соблюдения этих прав. Этнические проблемы вызревали подспудно, потому что все понимали, что основные рычаги власти (суды и армия) были в руках государства.

Многое изменилось только тогда, когда в государствах бывшего социалистического лагеря стали приниматься новые Конституции, которые создавались с учётом западных требований с целью вхождения в Евросоюз. Мультикультурная составляющая позволила загнанным внутрь этническим проблемам выплыть наружу, что привело к реальной

межэтнической конфронтации и требованиям территориальной автономии. Её потребовали для себя венгры и албанцы в Сербии, этнические абхазы и осетины в Грузии; этнические венгры в Румынии; этнические русские в Эстонии (Нарва); русские в Казахстане; поляки в Литве; румыны в Украине; албанцы в западной Македонии. Везде изначально наблюдалось упорное нежелание государств решать этот вопрос в силу того, что это касалось безопасности страны. Перекраивание политической карты и государственных границ привело примерно к такой же ситуации, которая возникла после распада великих империй в начале XX в.: многие народы, в который раз, обнаружили себя в новых государствах. При этом их статус резко изменился: те, кто в прошлом принадлежал к этническому «правлящему» большинству вдруг стали «меньшинством» и наоборот. Например, русскоязычное население (этнические русские) оказались меньшинством в странах Средней Азии и Балтии и их стали просто «выдавливаться» с этих территорий, в силу чего начался их исход в Россию. Та же история произошла с поволжскими и казахскими немцами, которые отправились на историческую родину – в Германию. И это было не только в России. В Словении, например, венгры составляют 15 % от населения страны, но они, как и русские в Средней Азии, оказались в ущемлённом положении. К ним относятся с большим подозрением. Дело в том, что в пору существования Габсбургской империи венгры были по отношению к словакам не просто доминирующей, а привилегированной группой. После развала империи всё изменилось, но словаки опасаются, что венгры жаждут реванша и готовы объединиться с родственными странами, чтобы вернуть себе былое доминирующее положение. В Польше точно так же с опаской относятся к немцам, в Румынии и Сербии – к венграм, в Боснии и Хорватии – к сербам, в Болгарии не доверяют туркам и так далее.

Недоверие и страх возмездия за узурпацию власти – очень мощный политический фактор. Преодоление страха – шаг к реальному диалогу, но для этого требуется время и позитивный опыт государственных реформ. Казалось бы, мультикультурализм как раз и предлагает необходимый набор политических средств и стратегий для преодоления недоверия и выстраивания практики мирного сосуществования. Однако стратегия военного вмешательства западных стран для урегулирования межэтнических противостояний очень настораживает и всегда вызывает недовольство как минимум одной из сторон конфликта: местные жители с трудом могут представить себе на практике политически нейтральное и незаинтересованное миротворчество, хотя таковым его и пытаются представить. В реальной политике речь идёт только о приближении к идеалу справедливости, потому что политические отношения – это отношения иерархии власти. Мультикультурализм – это не попытка устранения вертикальной иерархии власти, а способ сделать эту вертикаль менее высокой. Федерализм переводит борьбу за власть из центра в ре-

гионы, но центр при этом сохраняет основной пакет власти и уверенность в прочности своих позиций, потому что прерогативой законодательства «для всех» принадлежит центру, а не периферии, которая может только принимать решения, не противоречащие Конституции и основным законам страны.

Передел власти по окончании Холодной войны и новая политико-культурная ситуация была блестяще осмыслена С. Хантингтоном в книге «Столкновение цивилизаций» (1996). Позиция Хантингтона была очень смелой, потому что этот труд подрывает официальную мультикультуралистскую установку западной политики и идёт вразрез с ней. Автор не верит в справедливость. Он убеждён, что все политические конфликты обусловлены культурными факторами. Культуры (цивилизации) борются за власть, и в этом соль. Они не могут сосуществовать как равные партнёры: кто-то должен доминировать, а кто-то уступить. Вот почему, когда речь идёт об этнических меньшинствах, никакой реальной справедливости по отношению к ним или реализации принципа равенства достичь невозможно. Вопрос власти – это вопрос иерархии. Доминирующая культура будет определять границы свободы меньшинств и меру справедливости по отношению к ним. Сторонники мультикультурализма критикуют Хантингтона, но всерьёз возразить ему трудно: история XX в. говорит о том, что есть способы смягчения напряженности, технологии отвлечения граждан и этнических групп от притязаний на власть, есть правовые инструменты достижения справедливости, но панацеи от конфликтов не существует. Каждая страна ищет собственные пути достижения политической стабильности и процветания с учётом опыта соседей, который, увы, не может считаться всегда универсально приемлемым. Это касается и опыта Европы по решению проблемы меньшинств, который она попыталась спроецировать в качестве эксперимента на страны бывшего социалистического лагеря.

Ключевой момент в понимании проблемы меньшинств состоит в понимании их роли в государстве. Если на Западе именно меньшинства искали защиты и равенства, страдали от политики большинства, то в социалистическом лагере ситуация была не столь однозначной: в СССР и большинство, и национальные меньшинства страдали от политики государства. В СССР были перекосы с национальным вопросом – насильственные переселения немцев, чеченцев, например. В бывших социалистических странах Восточной Европы дело обстояло не на много лучше. Здесь также большинство пыталось внушить национальным меньшинствам чувство вины, ожидало от них покаяния. К ним применялись различные санкции – от изгнания с мест традиционного поселения, до насильственной ассимиляции. В качестве примера можно вспомнить политику ассимиляции турок в Болгарии в 1980-е гг., когда их заставляли брать болгарские имена. Правительство Болгарии тогда заявило, что это – ответ на то давление, которое осуществляли турки времён Османской

империи на славян, которых они принуждали переходить в ислам и ассимилироваться в турецкую культуру¹. На пост-социалистическом пространстве «национальный вопрос» очень прочно увязан с территориальной проблемой и угрозой раскола государства. Муслирование его, обсуждение таких вопросов, как реформа письменности, открытие частных национальных школ и ВУЗов, требования автономии часто рассматривались как угроза национальной безопасности. Неудивительно, что например, правительство Македонии крайне болезненно отреагировало на попытку открытия у себя албанского университета, где предполагалось обучение на албанском языке – языке меньшинства. Университет просто сравняли с землёй бульдозером. В Российской Федерации столь же неодобрительно было воспринято желание Татарстана избавиться от кириллицы и перейти на другой алфавит. Парламентарии России заблокировали этот вопрос. На Западе существовала практика обсуждения проблем на уровне межпартийных дискуссий, в Восточной Европе – нет. Однако на Западе периодически разыгрывается «карта безопасности», когда общественное недовольство набирает силу.

Нормы и стандарты на бумаге и на практике

То, что в самой Европе нет четкой позиции по проблеме меньшинств, становится очевидным, когда обращаешься к текстам деклараций и конвенций, которые очень трудно порой реализовать однозначно на практике. Возьмём стратегию выработки «стандартов» и «норм» по обеспечению прав меньшинств для стран Восточной Европы. Самым важным был вопрос о том, кто будет контролировать их соблюдение на их территориях и позволят ли это делать представителям европейских государств? После того, как Евросоюз и НАТО сделали права меньшинств критерием принятия стран в члены своих организаций, тема меньшинств стала важной и приобрела международный статус. Затем были созданы институциональные механизмы: в 1993 г. открывается ведомство Высшей комиссии по национальным меньшинствам ОБСЕ (OSCE-HCNM) и представительства этой организации в нескольких странах Восточной Европы. Совет Европы создал ряд учреждений, а также отчетные механизмы как часть Конвенции по защите национальных меньшинств (1995). Всё это неплохо, но остаётся выяснить, каковы же эти стандарты и какие именно меньшинства они должны защищать? По этим вопросам нет до сих пор единого мнения.

¹ См. подробнее о ситуации в Болгарии: Tomova Iona «The Migration Process in Bulgaria» // Magda Opalsky (ed) *Managing Diversity in Plural Societies: Minorities, Migration and Nation-Building in Post-Communist Europe* (Forum Eastern Europe, Ottawa), p. 229–239.

С точки зрения практики и логики можно сформулировать два принципиальных подхода к этому вопросу: либо стандарты должны применяться ко всем меньшинствам без исключения и носить общий характер, либо стандарты будут разрабатываться применительно к различным меньшинствам. Во втором случае подразумевается, что у них будут особые права в зависимости от ситуации, которая складывается в отдельной стране, где есть коренные народы, иммигранты, беженцы, национальные меньшинства. Опыт разработки особых прав уже есть, но он вступает в противоречие с общей установкой, сформулированной в статье 27 Международной конвенции о гражданских и политических правах. Этот пакт был принят, напомним, 16 декабря 1966 г., а вступил в силу 23 мая 1976 г. Ст. 27 гласит: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [8, с. 4].

Хочу обратить внимание на дату – 1966 г., когда это положение было сформулировано, потому что смысл его с трудом постигался во времени и истолковывался с точностью «до наоборот» разными странами, в зависимости от того, какие политические дивиденды они пытались получить в той или иной ситуации. Поначалу возник вопрос: отражает ли ст. 27 общие права меньшинств и следует ли её распространять на все без исключения этнокультурные меньшинства? Многие страны считали, что иммигрантские группы вообще нельзя считать «этническими, религиозными или языковыми» меньшинствами. Следовательно, получалось, что положение это нужно применять только к историческим меньшинствам в странах Старого Света, потому что они (меньшинства) появились здесь в результате перемещения населения и перекраивания границ. В любом случае понятие «национальное меньшинство» связано с территориальным вопросом компактного проживания. Однако даже вопрос о том, кого считать национальным меньшинством, стал спорным. Многонациональное государство Бразилия, например, вообще не признавало существования меньшинств на американском континенте. Аргумент был таков: простое сосуществование различных этнических групп на одной территории под юрисдикцией одного штата не превращает их в меньшинства в юридическом смысле. Бразильцам было страшно представить, что начнётся в стране, если этносы вдруг начнут политические игры в поисках доминирования и требований автономии. Лучше в целях безопасности отказаться в этом статусе всем, чем ввергать страну в хаос. Африканские государства, такие как Либерия, Гвинея, Мали и Гана полагали, что к ним это положение Конвенции не имеет никакого отношения. В самой Европе были страны, которые хотели вернуться к версии защиты прав меньшинств по образцу времен Лиги Наций.

Таким образом, в 1966 г. было обнародовано положение в духе соблюдения общих прав человека, которое со временем стало интерпретироваться различными меньшинствами в духе обоснования и отстаивания их особых прав. Иначе говоря, общее стало выдаваться за особенное. Такой поворот оказался возможным потому, что изначально спектр групп, к которым должна применяться ст. 27 был в юридическом смысле неясен. Что не запрещено – то разрешено.

Комитет по правам человека ООН нашел оригинальный выход и интерпретировал это положение как применимое ко всем этническим меньшинствам и неважно, малы они или велики, проживают ли они компактно или расплывлены по миру, как цыгане, например, являются ли они рабочими-мигрантами или просто посетителями, гостями страны². «Право пользоваться своей культурой» трактовалось как требование невмешательства в дела меньшинств, но не как право на автономию, признание официального статуса языка и прочее. Эта статья воспринималась впоследствии, как неспособная справиться с вызовами времени в виде межэтнических конфликтов в пост-коммунистической Европе. Если все имеют право наслаждаться своей культурой, то как остановить конфликты на этой почве? Во время конфликта выдвигаются и позитивные требования: право на использование родного языка в судах, местных администрациях; право открытия местных национальных школ и ВУЗов, организации своих СМИ; выдвигаются требования местной или региональной автономии. Статья 27 об этом ничего не говорит, защищая лишь право на культурное самовыражение. Главным было требование права проживать на родине, но оно вообще не рассматривалось как всеобщее право человека. Попытка сформулировать общие права меньшинств потерпели фиаско. Речь шла только о национальных меньшинствах, что отразилось в названиях тех учреждений, которые занимались этой проблемой.

Вопрос о создании национальных автономий был очень болезненным для стран Восточной Европы. Дело в том, что национальные меньшинства внутри территорий не признавались как «отдельные народы» с правом на самоопределение. Обоснование права на автономию происходило в процессе интерпретации ст. 1 Международной конвенции о гражданских и политических правах, которая гласила:

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

² См. подробнее: Bengoa J. Existence and Recognitions of Minorities. Working Paper, prepared for Working Group of Minorities, Sixth session, 22-6 May 2000, United Nations document E/CN.4/AC.5/2000/W. P. 2

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте Государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление самоуправляющимися и неподконтрольными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право [8, с. 1].

Мы видим, что эта норма была сформулирована давно, но ведь если эту статью трактовать «широко», то не только национальные меньшинства в Европе, но и в Азии могли ею воспользоваться, требуя права на самоопределение для себя как для отдельного «народа»: курды, например, или шотландцы. Однако «национальные меньшинства» внутри стран не признавались международным сообществом отдельными «народами», и значит ни о каком праве на самоопределение речи идти не могло. Тем не менее стали предлагаться различные варианты моделей «внутреннего самоопределения», если бы это признание однажды состоялось. Аргументация была такова: признание национальных меньшинств внутри стран просто необходимо потому, что совершенно безнравственно отказывать им в этом, тем более что внешние национальные меньшинства народами признаются. Дискриминацию следует преодолеть.

Лоббирование этого вопроса привело к тому, что в 1990 г. Копенгагенская декларация поддержала право на внутреннюю национальную автономию, и это право впервые было применено по отношению к Югославии, которой был присвоен особый статус. Была предпринята попытка урегулировать положение сербского меньшинства в Хорватии, которое затребовало для себя автономии, ссылаясь на практику разрешения национального вопроса по примеру Южного Тироля. Здесь сербы составляли большинство. Однако важно другое. Европейская Комиссия обосновала эту необходимость и представила её как общий принцип предоставления автономии для национальных меньшинств в новых государствах, которые стремятся войти в Евросоюз. Решение было юридически закреплено в статье 11 Рекомендации 1201 Парламентской ассамблеи Совета Европы в 1993 г. Она гласила: «В регионах, где лица, принадлежащие к национальному меньшинству, составляют большинство, данные лица должны иметь право на то, чтобы иметь в своем распоряжении соответствующие местные или автономные органы власти либо иметь специальный статус, отражающий эту специфическую и территориальную ситуацию и в соответствии с внутренним законодательством государства». [9, с. 5].

В отличие от Копенгагенской декларации, в этом документе территориальная автономия преподносилась не как удачная практика, а именно как право, которое распространяется на все европейские государства, а не только на те, которые стремятся войти в ЕС. А далее стали происходить удивительные вещи. Все национальные меньшинства увидели для себя политический шанс. Даже государство Лихтенштейн решило у себя урегулировать проблему меньшинств, предложив «Проект Конвенции о самоопределении посредством самоуправления», который не прошел в ООН. Но важно другое – этот проект заставил задуматься и о правах коренных народов на автономию и самоуправление. Мысль показалась вполне реализуемой, что нашло отражение в законах, принятых Организацией Американских государств и МОТ (Международная организация труда).

Такая организация как «Европейский свободный альянс», которая является коалицией партий, представляющих интересы национальных меньшинств из различных регионов Западной Европы (каталонцы, шотландцы и др.), предложили включить в Конституцию ЕС положение, подразумевающее право на автономии для себя, что угрожало территориальной целостности многих европейских государств. Общий оптимизм, многообразие проектов и перспективы раскола вызвали мощную волну критики и породили движение против статьи 1201. Спустя два года любая ссылка на территориальную автономию была отменена; территориальная автономия перестала упоминаться даже как рекомендуемая практика. Она не упоминалось ни в одной из последующих деклараций и рекомендаций европейских организаций с 1996 по 1999 гг. Даже в новой Конституции ЕС об этом нет ни слова. Европейская комиссия по демократии через право (European Commission for Democracy through Law) в 1996 г. постановила, что национальные меньшинства не имеют права на самоопределение в форме внутреннего самоопределения. Таким образом, эта тема вообще выпала из обсуждений по поводу европейских стандартов урегулирования прав меньшинств. Каковы причины табуирования этого вопроса – догадаться нетрудно. Во-первых, Западная Европа почувствовала, что её интересы в опасности, и она может оказаться на пороге этнических столкновений в случае позитивного принятия решения. Во-вторых, принятие внутренней автономии подразумевало процедуру международных проверок по поводу положения меньшинств внутри стран Западной Европы, что вскрыло бы негативные моменты и могла возникнуть ситуация из серии «А кто учителя?». Особенно резкую позицию заняли Франция, Греция и Турция. Таким образом, когда речь шла об эксперименте на чужой территории, Европа его поддерживала, но у себя продолжать его она не собиралась, так как не хотела обнажать свои этнические проблемы в процессе мониторингов и слышать оценку со стороны других государств. Тем самым, тема была снята. О кодификации права на автономию или внутреннее

самоуправление для национальных меньшинств не говорили. Более того, эти требования расценивались как дестабилизирующие и подрывающие безопасность государств. Совет Европы демонстрировал приверженность принципу нерушимости границ, что отражено в «Будапештской Декларации», принятой Комитетом Министров 7 мая 1999 г.

Опыт реальной политики показал, что там, где применялась стратегия образования автономий, этнокультурные конфликты не были окончательно разрешены и напряженность сохранялась. Модели мультинационального федерализма по западному образцу уже так активно не предлагаются, а новых, к сожалению, нет. Возможно там, где население более или менее однородно, они были бы приемлемыми, но там, где меньшинства малы или расплывлены по миру, они не срабатывают. Пример тому – цыгане. Им посвящен целый ряд международных документов.

Таким образом, до сих пор клубок правовых противоречий так и не распутан, а законотворчество идёт по пути особых прав для отдельных категорий меньшинств на фоне прав человека. Следует отметить, что урегулирование вопросов гражданства и решение проблемы иммигрантов на Западе во многом зависит от того, насколько страны, «поставляющие» иммигрантов, захотят её решать совместно с европейскими государствами. Дело в том, что там есть свои «лазейки», не способствующие снятию политической напряженности. Болезненная тема – это иммигранты, особенно мусульмане из Северной Африки, Турции и Южной Азии, которые не считаются национальными меньшинствами и подвергаются дискриминации. Как решится их вопрос, сказать трудно, учитывая разное видение этой проблемы в отдельных западных странах, где есть своя история появления иммигрантов. Однако их пребывание в Западной Европе вызывает чувство раздражения у местных граждан, которых волнует сохранение своеобразия собственной культуры. Не приведет ли всё это к быстрому сворачиванию мультикультурных практик и политик, тем более что расистские настроения проявляются всё явственнее? Хотелось бы избежать худших сценариев развития событий в Европе на фоне кризисных процессов в экономической и финансовой сфере. Поводов для оптимизма маловато, но будем надеяться, что вопросы сосуществования представителей различных этнических групп будут разрешаться с меньшими потерями для всех сторон.

Список литературы

1. Кеннеди С. Путеводитель по расистской Америке М., 1955.
2. Кинг М.Л. Есть у меня мечта. М., 1970.
3. Borgwardt E. A New Deal for the World: America's Vision for Human Rights. Cambridge, 2005.
4. Jackson J. P., Weidman N.V. Race, Racism and Science: Social Impact and Interaction. New Brunswick; New Jersey; London, 2006.

5. Kymlicka W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity. Oxford, 2009.
6. Lauren P.G. Power and Prejudice: The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination. Colo, 1996.
7. Layton A.S. International Politics and Civil Rights Politics in the United States. Cambridge, 2000.
8. url:www.forum.bakililar.az/index.php?showtopics=13106
9. url:www.Mmdc.ru/dir13/dir44/

FROM RACISM TO LIBERAL MULTICULTURALISM

I.A. FROLOVA

Tver State University (Tver)

The problem of preservation of cultural differences and rights of national minorities became one of the central in contemporary Western Europe and on the post-soviet space. The article offers a brief review of the history of the emergence of a cardinal refusal of a racist approach in the area of the domestic policy, as well as on the level of the international law and practices in favor of multiculturalism. What is liberal multiculturalism? What international events and decisions are at the origin of new politics and practices in respect of different ethnic and cultural communities? What obstacles are appearing on the way of multiculturalism as a European project? And what are its weaknesses? - All these issues are discussed within the article's format.

Key words: *multiculturalism, racism, national Minority, indigenous peoples, immigrants.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: star63@yandex.ru